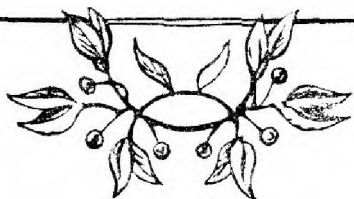

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ

Х Р Е С Т О М А Т И Я

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ДОКУСОВА

•
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

A small, symmetrical decorative flourish consisting of two curved lines meeting at a central point, resembling a stylized arrow or a wing.

A decorative flourish consisting of a central scroll-like element with two symmetrical, wing-like extensions on either side, positioned above a horizontal line.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 5

А. Н. Радищев

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

Ежедневно и ежемгновенно испытываемая власть мысли над телесностью столь стала обычна, что мы в ней едва ли что-либо выше простого механизма обретаем. Скажи, как действует рука твоя? скажи, что движет твои ноги? в главе родится мысль, и члены ей повинуются? Или какая раздражительность, в мышцах присутственная, то производит, или электр протекает твои члены? <...> И что дает всему действительность? Мысль, слово безмолвное; речешь: хочу, — и будет. Подобно, как пред началом времени, предвечна мысль возникла на действие <...> ты речешь себе: иди, — и шествуешь. О, человек! В округе своей ты весилен; ты еси сын мысли!

*О человеке, о его смертности и бессмертии.
Соч., т. 2, стр. 118—119.**

Речь есть, кажется, средство к собранию мыслей воедино; ее пособию одолжен человек всеми своими изобретениями и своим совершенствованием. Кто б помыслил, что столь малейшее орудие, как язык, есть творец всего, что в человеке есть изящно. Правда, что он может без него обойтись и вместо речи говорить телодвижениями; правда, что в новейшие времена искусство, так сказать, мысли распростерто и на лишенных того чувства, которое к речи есть необходимо; но сколь бы шествие разума без звучных речи было томно и пресмыкающееся!

Там же, стр. 52.

РОЛЬ ЯЗЫКА В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Природа, люди и вещи суть воспитатели человека; климат, местное положение, правление, обстоятельства суть воспитатели народов. Но начальный способствователь усовершенствования

* А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений. Изд. АН СССР, 1938—1952. Все ссылки по этому изданию.

рода человеческого есть речь. Я того разыскивать не намерен, речь наша есть ли что-либо нам данное или самими нами изобретенная<...>

Но, кажется, излишнее будет рассмотреть, каким образом, поколику речь к совершенствованию нашему способствует; ибо из того и явствовать будет, что водитель речи, мысленность, возлагать будет орудие, речи лишенная.

Ничто для нас столь обыкновенно, ничто столь просто кажется, как речь наша; но в самом существе ничто столь удивительно есть, столь чудесно, как наша речь. Правда, что радость, печаль, терзание имеют изъясняющие их звуки; но подражание оным было руководителем к изобретению музыки, а не речи; если мы помыслим, что звук, то есть движение воздуха, и звук произвольный, изображает и то, что глаз видит, и то, что язык вкушает, и обоняет нос, и что слышит ухо, и все осязания тела, и все наши чувствования, страсти и мысли; что звук сей не токмо может изразить все сказанное, всякую мысль, но что звук, сам в себе ничего не значущий, может возбуждать мысли и мысленности представить картину всего чувствуемого, — то в другом порядке вещей сие совсем показалось бы нелепым, невозможным: ибо рассмотри прилежнее служение речи. Время, пространство, твердость, образ, цвет, все качества тел, движение, жизнь, все деяния, словом: все <...> преобразуем в малое движение воздуха, и аки неким волхвованием звук поставлен на место всего сущего, всего возможного, и весь мир заключен в малой частице воздуха, на устах наших зыблющегося. О вы, любители чудес, внемлите произнесенному вами слову, и удивление ваше будет нечрезмерно: ибо чудесно есть, кто воззвал род человеческий к обществу из лесов и дебрей, в них бы скитался, аки звери дубровни, и не бы были человеки? Кто устроил их союз? Кто дал им правление, законы? Кто научил гнущаться порока и добродетель сотворил любезною? Речь, слово; без нее онемелая наша чувствительность, мысленность остановившаяся пребыли бы недействующи, полумертвы, как семя, как зерно, содержащее в себе древо величайшее, которое и даст покоящемуся сень, и согреет охладевшего, и пищу даст прохладную утомленному, и покровом будет от зною и непогоды, и пренесет по валам морским жаждущего богатства или науки до концов вселенныя, но которое без земли, без влажности мертвеет, ничтожествует. Но едва всесильный речь привитал к языку нашему, едва человек изрек слово единое и образ вещи превратил в звук, звук сделал мыслию, или мысль преобразил в чертоносное лепетание, — как будто окрест вращающегося среди густейшия мглы ниспадает мрак и темнота, очи его зрят ясность, уши слышат благогласие, чувственность вся дрожит, мысль действует, и се уже может он постигать, что истинно, что ложно; дотоле же чужд был и того и другого. Се слабое изображение чудес, речию произведенных. Мне кажутся аллегории тех народов весьма глубокомысленными, как предста-

влияют первую причину всяческого бытия произведшее прежде всего слово, которое, одаренное всецелым всевышнего, разделило стихии и мир устроило.

*О человеке, о его смертности и бессмертии.¹
Соч., т. 2, стр. 130—131.*

О БОГАТСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

...на Российском языке толико же можно писать сладостно, как и на Италианском...

*1790. Путешествие из Петербурга в Москву,
гл. «Гверь». Соч., т. 1, стр. 354.*

ПРЕПОДАВАНИЕ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ ОБОГАЩАЕТ НАЦИОНАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ

Сколь великой недостаток еще у нас в пособиях просвещения <...> Одно сведение Латинского языка не может удовлетворить разума алчущаго науки <...> Какое пособие к учению, когда науки не суть таинства, для сведущих Латинской язык токмо отверстыя, по преподаются на языке народном! — Но для чего <...> не заведут у нас вышних училищ, в которых бы преподавались науки на языке общественном, на языке Российском? ² Учение всем бы было внятнее; просвещение доходило бы до всех поспешнее, и одним поколением позже, за одного латинщика, нашлось бы двести человек просвещенных <...> Как не потушить, повторил он, что у нас нет училищ, где бы науки преподавались на языке народном.

*1790. Путешествие из Петербурга в Москву,
гл. «Подберезье». Соч., т. 1, стр. 253—259*

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ЗА ОБЩЕНАРОДНЫЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК ЛИТЕРАТУРЫ

Упражнялся в познании природы, он не оставил возлюбленного своего учения стихотворства <...> Беседуя с Горацием, Виргилием и другими древними писателями, он давно уже удостоверился, что стихотворение Российское весьма было несродно благогласию и важности языка нашего. Читая немецких стихотворцев, он находил, что слог их был плавнее Российского, что стопы в стихах были расположены по свойству языка их. И так он вознамерился сделать опыт сочинения, новообразными стихами, поставив сперва Российскому стихотворению правила, на благогласии нашего языка основанные. Сие исполнил он написав оду, на победу одержанную Российскими войсками над Турками и Татарами и на взятне Хотина, которую из Марбурга он прислал в Академию наук. Необыкновенность слога, сила выражения,

изображения едва не дышущие; изумили читающих сие новое произведение. И сие первородное чадо стремящегося воображения по непроложенному пути, в доказательство, с другими купно послужило, что когда народ направлен единожды к усовершенствованию, он ко славе идет, не одной тропинкою, но многими стезями вдруг.³

1790. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Слово о Ломоносове». Соч., т. I, стр. 385.

О РАЗНЫХ СТИХАХ РОССИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СВОЙСТВЕННЫХ

Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо ко краесловию. Слышав долгое время единоголасное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будет, доколе Французской язык будет в России, больше других языков в употреблении <...>

Излишним почитаю я беседовать с вами о разных стихах Российскому языку свойственных. Что такое Ямб, Хорей, Дактиль, или Анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то бы было неизлишнее, если бы я мог дать примеры в разных родах достаточные. Но силы мои и разумение коротки. Если совет мой может что-либо сделать, то я бы сказал, что Российское стихотворство, да и сам Российской язык гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворных сочинений делали не всегда Ямбами. Гораздо бы Епической поеме свойственное было, если бы перевод Генриады не был в Ямбах, а Ямбы не крассловные хуже прозы.

Все вышесказанное изрек пирной мой товарищ, одним духом и с толикою поворотливостью языка, что я не успел ничего ему сказать на возражение, хотя много кой чего имел на защищение, Ямбов и всех тех, которые ими писали.⁴

1790. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Тверь». Соч., т. I, стр. 353.

О НОВОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВ

Нередко бывает, что чужестранцы, а особливо фабриканты, дают произведениям своим имена употребительныя, но кои, переходя в наш язык, другое получили значение и другую представляют мысль...

1782. Проект нового генерального таможенного тарифа. Соч., т. III, стр. 51.

О ЗНАЧЕНИИ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

В наши времена великое сообщение между народов, знание иностранных языков, многие и частные путешествия, а паче всего книгопечатание, сделали то, что каждый народ европейский, по крайней мере, известен в многих своих чертах...

1801—1802. Труды по законодательству. Соч., т. III, стр. 162.

Преддверие учености, есть познание языков; но представляется, яко поле тернием насажденное, и яко гора строгим камением усеянная. Глаз не находит тут приятности расположения, стопы путешественника, покойныя гладости на отдохновение, ни зеленеющего убежища утомленному тут нет. Тако учащийся, приступив к неизвестному языку, поражается разными звуками. Гортань его необыкновенным журчанием исходящего из нее воздуха утомляется, и язык новообразно извивается принужденный, изнемогает. Разум тут цепенеет, разумок без действия ослабевает, воображение теряет свое крылье; единая память бдит и острится, и все излучины и отверстия свои, наполняет образами неизвестных доселе звуков. При учении языков все отвратительно и тягостно. Если бы неподкрепляла надежда, что, приучив слух свой к необыкновенности звуков, и усвоив чуждые произношения, неоткроются потом приятнейшия предметы, то неуповательно восхотел ли бы кто вступить в столь строгий путь. Но превозшед сии трудности, коликократно награждается постоянство в понесенных трудах. Новые представляются тогда естества виды, новая цепь воображений. Познанием чуждого языка становимся мы гражданами той области, где он употребляется, собеседуем с жившими за многия тысячи веков, усвояем их понятия; и всех народов и всех веков изобретения и мысли, сочетаваем и приводим в единую связь<...>

Яко слепец, от чрева материя света не зревший, когда искусною глазоврачевателя рукою воссияет для него величество дневного светила, — быстрым взором протекает он все красоты природы, дивится ее разновидности и простоте. Все его пленяет, все поражает. Он живее обычных всегда во зрении очей чувствует ее изящности, восхищается и приходит в восторг. Тако Ломоносов, получивший сведение латинского и греческого языков, пожирал красоты древних витий и стихотворцев. С ними научался он чувствовать изящности природы; с ними научался познавать все уловки искусства, крыющегося всегда в одушевленных стихотворством видах, с ними научался изъяслять чувства свои, давать тело мысли и душу бездыханному.

Если бы силы мои достаточны были, представил бы я, как постепенно великий муж водворял в понятие свое понятия чуждые, кои, преобразовавшись в душе его и разуме, в новом виде явился в его творениях или родили совсем другие, уму человеческому доселе неведомые. Представил бы его, ищущего знания в древних рукописях своего училища и гонящегося за видом учения везде, где казалось быть его хранилище. Часто обманут бывал в ожидании своем, но частым чтением церковных книг он основание положил к изящности своего слога, какое чтение он предлагает всем желающим приобрести искусство российского слова.

Сила воображения и живое чувствование не отвергают разыскания подробностей. Ломоносов давая примеры благогласия, знал, что изящность слога основана на правилах языка свойственных. Восхотел их извлечь из самого слова, не забывая однакоже что обычаем первой всегда подает в сочетании слов пример, и речения из правила исходящие, обычаем становятся правильными. Раздробляя все части речи, и сообразуя их с употреблением их, Ломоносов составил свою грамматику. Но не довольствуясь преподавать правила Российского слова, он дает понятие о человеческом слове вообще, яко благороднейшем по разуму даровании, данном человеку для сообщения своих мыслей. Се сокращение общей его грамматики: Слово представляет мысли; орудие слова есть голос; голос изменяется образованием или выговором; различное изменение голоса изображает различие мыслей; и так слово есть, изображение наших мыслей, посредством образования голоса чрез органы, на то устроенные. Поступая далее от сего основания, Ломоносов определяет неразделимые части слова, коих изображения называют буквами. Сложение нераздельных частей слова производит склады, кои опричь образовательного различия голоса, различаются еще так называемыми ударениями, на чем основывается стихосложение. Сопряжение складов производит речения, или знаменательные части слова. Сии изображают или вещь или ее деяние. Изображение словесное вещи, называется и м я; изображение деяния г л а г о л. Для изображения же сношения вещей между собою и для сокращения их в речи, служат другия части слова. Но первые суть необходимы и называться могут главными частями слова, и прочие служебными. Говоря о разных частях слова, Ломоносов находит, что некоторые из них имеют в себе отмены. Вещь может находиться в разных в рассуждении других вещей положениях. Изображение таковых положений и отношений именуется падежами. Деяние всякое располагается по времени: оттуда и глаголы расположены по временам, для изображения деяния в какое время оное происходит. Наконец Ломоносов говорит о сложении знаменательных частей слова, что производит речи.

Предпослав таковое философическое рассуждение о слове вообще, на самом естестве телесного нашего сложения основанном, Ломоносов преподает правила Российского слова. И могут ли быть они посредственны, когда начертавший их разум, водим был в грамматических терниях светильником остроумия? не гнушайся великой муж себя хвалы. Между согражданами твоими не грамматика твоя одна соорудила тебе славу. Заслуги твои о Российском слове суть многообразны; и ты почигаешься в малопритязательном сем своем труде, яко первым основателем истинных правил языка нашего, и яко разыскателем естественного расположения всяческого слова. Твоя грамматика есть преддверие чтения твоея риторики, а та и другая руководительницы, для осяза-

ния красот изречения творений твоих. Поступая в преподавании правил, Ломоносов вознамерился руководствовать согражданам своим, в стезях тернистых Гелликона, показав им путь к красноречию, начертавая правила риторики и поэзии.

1790. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Слово о Ломоносове». Соч., т. I, стр. 385—387.

О ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. В. ЛОМОНОСОВА

...Ломоносов надежнейшие любящим российское слово, оставил примеры в своих творениях. В них сосавшие уста сладости Цицероновы и Демосфеновы, растворяются на велеречие. В них на каждой строке, на каждом препинании, на каждом слоге, почто не могу сказать при каждой букве, слышен стройный и согласный звон столь редкого, столь мало подражаемого, столь свойственного ему благогласия речи.

Прияв от природы право неоцененное действовать на своих современников, прияв от нее силу творения, поверженный в среду народные толщи, великий муж действует на оубою, но и не в одинаком всегда направлении. Подобен силам естественным, действующим от средоточия, которые, простирая действие свое во все точки окружности, деятельность свою пригну везде соделывают, — тако и Ломоносов, действуя на сограждан своих разнообразно, разнообразные отверзал общему уму стези на познания. Повлекши его за собою вослед, расплетая запутанный язык на велеречие и благогласие, не оставил его при тощем без мыслей источнике словесности. Воображению вещал: лети в беспредельность мечтаний и возможности, собери яркие цветы одушевленного и, вождаяся вкусом, украшай оными самую неосязательность. <...> Позавидует не могущий вослед тебе ити писатель оды, позавидует прелестной картине народного спокойствия и тишины, сей сильной ограды градов и сел, царств и царей утешения; позавидует бесчисленным красотам твоего слова; и если удастся когда-либо достигнуть непрерывного твоего в стихах благогласия, но доселе не удался еще никому.

1790. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Слово о Ломоносове». Соч., т. I, стр. 387—389.

О ЗНАЧЕНИИ НАСЛЕДИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

...действие его благогласия и звонкого препинания бесстопной речи было, однако же, всеобщее. Если не было ему последователя в витийстве гражданском, но на общий образ письма оно распространилось. Сравни то, что писано до Ломоносова и то, что писано после его, — действие его прозы будет всем внятно.

1790. Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Слово о Ломоносове». Соч., т. I, стр. 389.

Мы желаем показать, что в отношении Российской словесности, тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первой вишник в приобретении славы, хотя бы он войти во храм не мог <...> В стезе российской словесности Ломоносов есть первый. Беги, толпа завистливая, се потомство о нем судит, оно целицемерно.

Там же, стр. 391—392.

Не столп, воздвигнутый над тлешнем твоим, сохранит память твою в дальнейшее потомство. Не камень со иссечением имени твоего пренесет славу твою в будущие столетия. Слово твое, живущее присно и вовеки в творениях твоих, слово русского племени, тобою в языке нашем обновленное, прелетит во устах народных, за необозримый горизонт столетий. Пускай стихи, свирепствуя сложенно, разверзнут земную хлябь и поглотят великолепный сей град, откуда громкое твое пение раздавалось во все концы обширных России; пускай яростный некий завоеватель истребит даже имя любезного твоего отечества: но доколе слово русское ударять будет слух, ты жив будешь и не умрешь. Если умолкнет оно, то и слава твоя угаснет. Лестно, лестно так умереть.

Там же, стр. 350.

А. Н. РАДИЩЕВ

1. Первые три отрывка высказываний А. Н. Радищева о языке взяты из его философского трактата «О человеке, его смертности и бессмертии», написанном в 1792—96 гг. Эти мысли просветителя-материалиста глубоко содержательны и интересны. Высоко оценивая силу воздействия литературы, силу воздействия революционных идей, Радищев перенес эти взгляды и в разрешение вопросов языка.

2. Радищев имеет в виду язык народный.

3. В цитируемом отрывке Радищев высказывает правильное суждение о форме русского стихосложения в 30—40-е годы XVIII века. Он полагает, что реформа была вызвана тем, что старое стихосложение было «несродно благогласию и важности языка нового».

4. Высказывание о «безрифмий», о засилии ямбов даны Радищевым от лица «пирного товарища», собеседника путешественника. Но от его лица Радищевым дается и ода «Вольность» и «Слово о Ломоносове», так что его взгляды — это взгляды самого автора.

5. Глава «Слово о Ломоносове» завершает «Путешествие из Петербурга в Москву». Данные в ней высказывания особенно значительны. Радищев правильно называет Ломоносова первым «в стезе российской словесности», насадителем русского слова.

Высказывания Радищева как бы предохраняют от переоценки дворянских, в первую очередь, карамзинских теоретических суждений, от переоценки значения для русской литературы XIX века.